

Есть у Никиты деревянный тигр, крокодил резиновый и слон. Слон из тряпок сшит, а внутри у него вата.

А ещё есть у Никиты верёвочка.

Вот запрятал Никита своего тигра под кровать, крокодила — за комод, слона — под стол.

— Сидите там, — говорит. — Сейчас я на вас охотиться буду!

А верёвочка стала змейей. Тоже под стулом живёт, извивается там.

— Начинается охота! — кричит Никита.

Зарядил он своё ружьё и пополз. Полз, полз и на тигра напал. А тигр как зарычит страшным голосом:

«Рррр-ррр-ры!»

А потом замыкал, как кошка:

«Мяу-мяу!»

Это, конечно, не тигр рычал и мяукал, а сам Никита.

— Бух! Ба-бах! — закричал Никита.

Это будто ружьё выстрелило. Убил охотник тигра и пополз дальше. Полз, полз и на дикого слона наполз. Стоит слон, клыки вперёд выставил и трубит хоботом, как в трубу:

«Тру! Трррр-ррр-рууу!»

Это, конечно, Никита за него трубил.

«Бух, ба-бах!»

Убил Никита слона и дальше пополз. Полз, полз и до крокодила дополз. Крокодил зубами лязгает и мычит, как бык.

Это Никита от папы узнал, что крокодилы мычат по-коровьи.

«Бух, ба-бах!» — убит крокодил.

«Бух, ба-бах!» — и змея готова.

Всех перестрелял Никита и кричит:

— Вот я какой охотник! Никого не боюсь!

* * *

Летом приехали мы на дачу и пошли гулять.

— Ты что же, Никитушка, ружьё с собой не берёшь? — спрашиваю. — Ведь ты же охотник.

— Ох, верно, я и забыл! — говорит Никита.

Побежал он домой, нашёл своё ружьё под кроватью, надел его через плечо и шагает со мной рядом.

Идём мы лугом среди белых ромашек с жёлтенькими пуговками-серединками.

С цветов бабочки разноцветные слетают. Кузнечики от нас в стороны скачут.

И вдруг видим мы сорочонка. Он совсем такой же, как и большая сорока, — чёрный с белым, только хвост покороче да сам поменьше.

Скачет от нас сорочонок по траве, крыльями машет, а летать ещё не умеет.

Доскакал до рябинового кустика и затаился в нём.

Гляжу, стал Никита-охотник на четвереньки — тоже притаился. Шёпотом спрашивает меня:

— Папа! Папа! Можно мне стрелять?

— Стреляй, стреляй, — говорю. — Уж раз ты охотник, так можно.

И вот пополз Никита по травке к сорочонку.

Долго полз с ружьём в руке. Совсем близко подобрался.

Вот прицелился. И вдруг как заорёт во всё горло:

— Бух! Ба-бах!

А сорочонок выскочил из куста да как закричит:

«Криии! Крээээ! Криии!»

Никита сразу ружьё наземь бросил — и ко мне. Бежит, спотыкается, падает.

Гляжу: и сорочонок тоже удирает — только в другую сторону.

Так друг от друга улепётывают: сорока — в лес, а Никита — от сороки из лесу.

— Ты что же, охотничек? Чего испугался?

— Да как же! — говорит Никита. — Зачем она, глупая, сама кричит!